

Постглобализация и новые контуры будущей современности¹

Статья посвящена обсуждению перспектив и способов конструирования новой модели глобального развития в ситуации фактической и теоретической неопределенности, обозначенной в социальных и политических науках понятием постглобализации. Целью является анализ критического и теоретического потенциала концепции постглобализации для понимания направления парадигмального сдвига в концептуализации социального будущего.

В течение последних двух десятилетий дискурс постглобализации существует как альтернативный по отношению к триумфальному продвижению глобализации как неоллиберального / неоконсервативного идеала мирового будущего в контексте «конца истории». Концепция постглобализации, высвечива-

ющая ограниченность проекта глобализации, служит возможным эвристическим средством преодоления его границ. Однако построение позитивной модели социального будущего требует нового набора понятий — нового языка, укорененного в движущих силах нынешней исторической реальности. Данное исследование помогает определить направление будущих поисков.

Ключевые слова: постглобализация, неоллиберальная модель, будущее, парадигма.

Юрий Асочаков

кандидат философских наук, доцент СПбГУ

doi:10.33491/telescope2019.103

Перед социальной наукой общество ставит те же вопросы, ответы на которые обычно хотят получить от гадалки: «что было?»; «что есть?» и «что будет?». Социология, оставив первый вопрос исторической науке, пытается ответить на оставшиеся два вопроса, ориентируясь на описание и объяснение социальных явлений в режиме «здесь и сейчас». Ориентация на настоящее, в противовес погруженности историков в вопросы прошлого, может считаться важным основанием для демаркации границ предметных областей и основанием дисциплинарной автономии социологии. Однако не ответы на вопрос «что есть?», а скорее ответы на вопрос «что будет?» являются эпистемологически наиболее важными для социологии. Теоретические концепции социального будущего и общественно-политические модели перехода к новому социальному порядку способны не только внести инновации в содержание социологического теоретизирования и в практику реальной политики, но и по-новому организовать содержание и структуру нарратива современности как эпохи и как типа социальной жизни. Наличие проекта / концепции будущих изменений позволяет изменить теоретический гештальт, перейти от негативных предсказаний (непредсказуемый хаос конфликтов, разрушительные миграции, социальный кризис, нарастание агрессии, терроризма и др.) к чему-то позитивному (телеологическому, целеустремленному и организованному развитию к определенной цели через разрешение конфликтов). Социология, как особый эвристический и социальный проект, всегда была призвана иметь в своем представлении проект лучшего будущего общества [Иванов, Асочаков, 2016]. Такого рода проект присутствует не только в макросоциологических теориях и концепциях социальных изменений, но и на уровне эмпирических исследований социальных проблем локальных сообществ и социального восприятия текущих событий. В этом смысле объект и субъект социологии асинхронны: объектом социологии является социальное настоящее, а ее предметом (явным или латентным) — социальное будущее.

Три теоретические парадигмы социального знания основаны на различных корреляциях между настоящим, как очевидным объектом исследования, и гипотетическим проектом будущего, как его имплицитным предметом.

Революционная парадигма предлагает рассматривать настоящее как момент накануне прихода будущего, модели которого становятся доминирующим предметом исследования и строятся как отрицание основных характеристик существующего общества как наблюдаемого объекта исследования.

Историческая парадигма ориентирована на систематиза-

цию и интерпретацию прошлого как предвестника настоящего и будущего, делая изоморфными эти три стадии временной прогрессии и превращая утверждения об их природе в формальные исторические универсалии.

Как революция, так и исторические парадигмы нуждаются в повествовании, чтобы выразить себя через «рассказывание истории» либо эпохального разрушения, либо эпохальной последовательности событий, направленных на реализацию проекта будущего. Это приводит к тому, что оба подхода приводят к различным видам великих / эмансипационных нарративов [Lyotard, 1984], организующих знания, а также социальные и политические действия и, таким образом, становятся идеологиями. В этот момент теоретические парадигмы теряют свою эвристическую ценность, поскольку теряют свою тесную связь с реальностью и служат лишь проекциями идеалистического, уже концептуализированного будущего и / или прошлого.

Диалектическая парадигма в своем перспективном исследовании социальной динамики фокусируется на настоящем как объекте исследования. Строятся модели социального будущего как положительного результата разрешения противоречий в актуальных тенденциях современности [Marcuse, 1989]. В то же время, чтобы быть актуальным / действующим и, следовательно, наблюдаемым и раскрываемым, содержание настоящего должно достигать своего «зрелого» состояния / стадии и быть в состоянии актуализироваться с высокой степенью полноты и отчетливости — «созреть» для реальности. Только на этом этапе завершенной, «спелой» реальности диалектический анализ может различать, распознавать и раскрывать ее существенные черты.

Термины с приставкой «пост-» появляются в момент, когда обнаруживается, что объект, обозначаемый термином, к которому в дальнейшем будет добавлена эта приставка, изменился настолько, что привычный способ описания и понимания его уже перестал работать, но еще не проявились какие-то определенные очертания нового состояния объекта, которые позволили бы выделить его новую специфическую особенность, и на этой основе «изобрести» новый термин (обычно связанный с названием этой тенденции / особенности). Появление довольно неясного по содержанию понятия «постглобализация» служит симптомом того, что мы на пороге перехода к новой доктрине будущего развития современного мира, хотя и не совсем понимаем направление и смысл этого развития.

В целом концепция постглобализации развивается параллельно с критикой и пересмотром применяемой теории глобализации. Ее основная идея и послание были направлены на то,

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

чтобы сигнализировать о том, что мир и сам процесс глобализации вошли в период, когда основные структуры, динамика, интенциональность и этос общественной жизни — на национальном и транснациональном уровнях — стали качественно отличными от предыдущей формы, из которой они возникли, и, таким образом, больше не могут быть описаны и обозначены предыдущими концептуальными средствами. Постглобализация предполагает, что современные концептуальные ресурсы являются недостаточными для понимания возникновения социальных, культурных, экономических и политических структур.

Глобализация как объективный исторический процесс развития современного общества, прослеживающийся особенно активно последние сто пятьдесят лет, в 1980-90-е годы получила мощный идеологический импульс в плане неолиберальных и неоконсервативных интерпретаций и использования результатов «холодной войны» и распада Советского Союза. Роберт Каган, создатель неоконсервативного проекта для нового американского века и один из самых сильных сторонников американского «либерального интервенционизма», отмечал, что после окончания холодной войны в глобализованной экономике, у наций не было альтернативы кроме либерализации — сначала экономической, затем политической — если они хотели конкурировать и выжить. Поскольку демократический капитализм является единственной моделью успеха для развивающихся обществ, все общества в конечном итоге выберут такой путь. В битве идей либерализм одержал победу. «В конце истории, как сказал Фрэнсис Фукуяма, нет серьезных идеологических конкурентов либеральной демократии» [Kagan, 2008].

В этом идеологическом контексте победителями «холодной войны» глобализация стала восприниматься не просто как расширение границ взаимосвязанного мира, а как политический проект будущего, эффективный метод «завершения» истории, по мере утверждения либерального капитализма.

Экономическая модель глобальной экспансии либерализма сформировалась в США, в период президентства Б. Клинтона, когда эффективность либерального управления в 1980-е годы создала соответствующий политический климат для подъема неолиберализма и дальнейшего отказа от кейнсианских принципов управляемой рыночной экономики, начавшегося во времена экономической политики дерегулирования, получившей по имени тогдашнего президента название «рейганомика». В то же время принципы рыночного фундаментализма были прописаны и применены к функционированию международных и базирующихся в Вашингтоне экономических институтов (Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк) — так называемого Вашингтонского консенсуса. Глобальный рост дерегулированного рынка был с комфортом отождествлен с глобализацией, а глобализация в экономическом плане стала брендом мирового распространения неолиберальной экономической политики.

Политическая модель глобализации на основе неоконсервативных принципов либерального интервенционизма сформировалась позднее — во время президентства Дж. Буша. Как заявил Серджио Фаббрини: «Идея о том, что дерегулирование рынков является условием ускорения и замедления экономического роста... вдохновила процесс глобализации с начала 1990-х годов. Тем не менее, глобализация также опирается на политическую стратегию, обоснованную четкой политической парадигмой. С политической точки зрения предполагалось, что экономическое дерегулирование может регулироваться международной государственной системой, иерархически контролируемой Соединенными Штатами (США), победителем в «холодной войне». Два президентства Джорджа Буша (2001-2008 гг.) олицетворяли такое смешение неолиберальной экономической парадигмы дерегулирования рынка и неоконсервативной политической парадигмы Вестфализации международной системы» [Fabbrini, 2018].

Два основных события обычно рассматриваются как маркеры водораздела между оптимистичным очевидным продвижением глобализации — как процесса, так и идеологии — и ее более осторожными, если не скептическими и критическими интерпретациями: атака 9/11/2001 растущего радикального Исламистского движения на штаб-квартиру глобальной торговли в сердце либеральной демократии Нью-Йорке и глобальный финансовый кризис 2008 года.

Что касается теракта 11 сентября, то более пронизательные комментарии СМИ зафиксировали печальное настроение «конца прекрасной эпохи» и саркастические сетования на «конец конца истории». В этом контексте только непреклонные левые и радикальные интеллектуалы, такие как Ноам Хомский, Поль Вирилио, Жан Бодрийяр, Славой Жижек, могли позволить себе предложить своим слушателям альтернативные нарративы совместной ответственности в глобальных делах [Chomsky, 2001; Virilio, 2002; Baudrillard, 2002; Zizek, 2002]. В социальных науках тогда же начинается период сомнений в обоснованности понятия глобализации, ведущих к более подробному исследованию актуальных форм и реальности глобализации, меняя тему движения к глобализации на «глобализацию, как мы ее знали», что означает глобализацию в ее неолиберальном варианте [Gray, 2001; McGrew and Held, 2007]. В течение следующего десятилетия социальные науки сопротивлялись проблематизации глобализации попытками теоретического пересмотра и конкретизации первичной общей концепции. В основном эти усилия шли рука об руку с критикой практик и современной идеологии глобализации, выявлением и анализом их конкретных исторических и политически мотивированных форм и методов.

С конца 1980-х годов и особенно в 1990-х годах, кульминацией которых стали протесты вокруг саммита Всемирной торговой организации (ВТО) в Сиэтле в 1999 году, когда на сцену вышли антиглобалистские и / или альтерглобалистские социальные движения, которые выступали с критикой фактических форм и последствий нынешней практики глобализации, превратившись в заметную силу и неослабевающий голос против глобализации. Напоминая нам о демонстрациях, которые, на протяжении первого десятилетия нового тысячелетия, регулярно сопровождали совещания МВФ и Всемирного банка, Славой Жижек также обращает внимание на то, что эти протесты были не только платформой для выражения общественного разочарования, но стали также симптомом опасных внутренних тенденций в условиях глобализации, опрометчиво игнорируемых политическим истеблишментом, как это произошло в случае произошедшего через несколько лет финансового кризиса 2008 года. Жижек пишет, что *«Жалобы протестующих несли не только обычные для антиглобалистов мотивы растущей эксплуатации стран третьего мира и тому подобное, но и идеи о том, что банки создавали иллюзию роста, играя с вымышленными деньгами, и как это все закончится крахом... В Вашингтоне в 2004 году так много людей, говорили об опасности финансового краха, что полиции пришлось мобилизовать дополнительные 8000 местных полицейских и привезти еще 6000 из Мэриленда и Вирджинии. За этим последовали клубы слезоточивого газа и массовые аресты, арестовано было так много, что полиции пришлось использовать автобусы в качестве транспорта. Послание было громким и ясным, и полиция использовалась буквально, чтобы задушить правду»* [Zizek, 2009: 9].

Экономика первой поставила под сомнение глобализацию, как это было сделано Джозефом Э. Стиглицем в книге опубликованной еще в 2002 г. и переработанной в 2017 г. [Stiglitz, 2017]. В этой книге, которую можно считать самым ранним и наиболее отчетливым источником детальной критики неолиберальной модели глобализации и ее отличия от соответствующей общей идеальной концепции, представлен подробный анализ провала неолиберальной модели рыночного фунда-

ментализма, пропагандируемой и применяемой к росту развивающихся стран при содействии международных институтов — МВФ, ВТО и Всемирного банка — действующих на основе Вашингтонского консенсуса. Стиглиц показал, что эта модель глобализации ущемляет суверенитет развивающихся стран, подвергая их принудительному дерегулированию, приватизации и либерализации, и фактически увеличивает разрыв между ними и развитыми странами. В то же время неолиберальная модель свободного рынка экономического развития стала регулярно подвергаться сомнению в экономической и социологической литературе, как в виде интенсивной критики (даже со стороны ее прежних авторитетных сторонников [Krugman, 2008]), так и в виде новых концепций, основанных на анализе тенденции негативной динамики современной капиталистической системы [Klein, 2007; Harman, 2009].

Новые события на национальной и глобальной аренах сводили на нет прежние представления о самоутверждающейся либеральной глобализации, распространяющейся в одностороннем порядке из центра в США, и оптимистические представления о ее необузданном продвижении в будущее. События 9/11 показали сопротивление периферии проекту глобализации, основанному на логике «конца истории». Позже, финансовый кризис 2008 года показал нестабильность центра и ненадежность этого проекта для будущего развития. Мировое развитие пошло тем путем, которого не ожидали. Помимо проблемы экономической основы неолиберальной / неоконсервативной модели глобализации, стала ставиться под сомнение и ее однополярная политическая архитектура.

Сопротивление начало исходить и от региональных держав, которые должны были гармонично вписаться в глобальное универсализированное сообщество под руководством руководящей сверхдержавы. Несмотря на прогнозы одностороннего продвижения к окончанию истории и к состоянию глобального равновесия, региональные державы демонстрировали тенденцию формировать свои особые интересы и предлагать свои собственные траектории. Они охотно оспаривали существующую однополярную архитектуру глобализации, ставя под сомнение всю идею проекта. Тема 2007 года на ежегодном заседании Всемирного экономического форума в Давосе «Формирование глобальной повестки дня, меняющихся балансов сил» указала на признание того, что мировая экономическая мощь децентрализуется, превращая страны «развивающихся рынков» в развивающиеся центры силы. Глобализация «как мы ее знали» действительно начала подвергаться пересмотру.

С конца 1990-х годов Россия, оказавшись в положении развивающейся страны в либеральной части мира после «холодной войны» и на дне иерархии, начала политически оспаривать однополярную архитектуру глобальных международных отношений с энергией бывшей сверхдержавы, развивая «доктрину Примакова» и переходя к самостоятельной политике после нескольких лет постсоветского примирения под американским руководством. Эта доктрина предложила альтернативную многополярную модель глобализации и положила начало попыткам уравнивания возглавляемого США Западного альянса такими проектами, как БРИК, позднее — Евразийский экономический союз и активной независимой внешней политикой.

Финансовый кризис 2008 года лишь подтвердил необходимость пересмотра превалирующей теории глобализации. В 2009 году Жижек обобщил логику общественно-политических событий предыдущего десятилетия, написав о крахе неолиберальной глобализации как проекта тысячелетия: «За двенадцать лет до 9/11, 9 ноября 1989 года, пала Берлинская стена. Это событие, казалось, объявляет о начале «счастливых 90-х». Утопия Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», полагая, что либеральная демократия, в принципе, победила, что появление глобального либерального сообщества не за горами, и что препятствия к этому в голливудском стиле концовки были только эмпирическими и контингентными (локальные

очаги сопротивления, чьи лидеры еще не осознали, что их время истекло). 11 сентября, напротив, символизировало конец периода «Клинтонита» и открыло эру, в которой новые стены вырастают повсюду: между Израилем и Западным берегом, вокруг Европейского Союза, а также на американо-мексиканской границе, но и внутри национальных государств... Единственным по-настоящему удивительным в финансовом кризисе 2008 года было то, как легко и быстро согласились с идеей, что произошел непредсказуемый сюрприз, который ударил по рынкам на ровном месте... в то время как либерализм представляется как воплощение антиутопии и триумф неолиберализма как признак того, что мы оставили позади утопические проекты, ответственные за тоталитарные ужасы двадцатого века, теперь становится ясно, что истинной утопической эпохой была эпоха счастливого «Клинтонита» 90-х годов с его верой в то, что мы достигли «конца истории», что человечество наконец-то нашло формулу оптимального социально-экономического порядка» [Zizek, 2009: 8-9].

Одним из признаков политической и эвристической эрозии концепции глобализации было появление конкурирующих концепций, таких как концепции «нового империализма / империи» и «глобального капитализма» [Hardt and Negri, 2000; Harvey, 2003; Robinson, 2004] в качестве альтернативных интерпретаций природы и смысла продолжающейся мировой / глобальной интеграции. Критические теории «нового империализма» и «глобального капитализма» возникают как описание новых реалий нынешнего этапа глобализации, в основном, в неомарксистских терминах, как картины дальнейшей экспансии транснационального капитала и империалистического государства, которые становятся все агрессивнее и изоциреннее в расширении подконтрольных им территорий, распространяют свою власть на новые рынки и сообщества. Мир пошел не тем путем, который планировался в теории глобализации, что предполагает, что сообщение о «конце истории» было несколько преувеличенным и определенно преждевременным.

В результате разочарование результатами глобализации в социально-политической, экономической и социологической литературе подошло к тому уровню, когда мы можем говорить о сдвиге парадигмы в глобальных исследованиях. В этом эвристическом режиме и сложном политическом / идеологическом / экономическом / военном контексте новая концепция постглобализации стала ответом и своего рода противоречивым консенсусом в отношении старого подхода к глобализации.

Как идея многополярности, так и понятие постглобализации были приняты в основной литературе по глобализации. Например, в 2008 году Уолл-Стрит Журнал опубликовал небольшую статью под названием «Новая дивная экономика», где авторитетный американский глобальный экономист Дэвид Хэйл показал на основе убедительной статистики, что «нынешний бизнес-цикл войдет в учебники истории как тот, который подтвердил, что лидерство в глобальной экономике переходит от старых промышленных стран в страны с формирующимся рынком». Хэйл выступает за инклюзивное изменение в структуре международных институтов в управлении мировой экономикой: «Изменение глобального баланса сил до сих пор оказывало лишь незначительное воздействие на глобальные институты и управление. После финансового кризиса в Восточной Азии США способствовали созданию форума «Большой двадцатки», на котором министры финансов развивающихся стран могли бы встретиться с министрами финансов промышленно развитых стран. «Большая семерка» расширилась в конце 1990-х годов, включив в нее Россию, но многое еще предстоит сделать. «Большая семерка» больше не должна состоять из четырех европейских стран, США, Канады и Японии. Должен быть только один Европейский представитель. Оставшиеся три места должны быть отведены Китаю, Ин-

дии и одной африканской стране ... нынешнее членство в «Большой семерке» больше не отражает меняющуюся реальность мировой экономики. «Большая семерка» должна адаптироваться или стать неуместной» [Hale, 2008].

Наступила ли эра постглобализации? Восторженные и небдуманные интерпретации постглобализации потенциально могут стать своего рода новой версией нарратива о «новом конце истории». Осторожное отношение мы находим в реакции международных институтов, практически вовлеченных в управление глобализацией. Показателен в этом отношении доклад «На пути к «Постглобализации»? Неoliberalизм и глобальное управление после глобального финансового кризиса», подготовленный Организацией Объединенных Наций в 2010 году на основе содержательного анализа тем, вытекающих из совещаний группы восьми (G8) и группы двадцати (G20) на уровне министров окружающей среды и финансов. В этом докладе постглобализация трактуется как переход от дискредитировавшей себя нелиберальной парадигмы к рыночному регулированию через демократизацию глобального управления (концептуализация «необходимости демократического действия на глобальном уровне»). Традиционное для нелиберализма спокойное отношение к конъюнктурным спадам, к цикличности динамики капитализма сменяется тревогой по поводу долгосрочного кризиса. В этом докладе сделан вывод о том, что «к середине 2010 года стал заметен разрыв с преобладающим измерением «бума и спада», которое доминировало в 2002-2009 годах, ... доминирующим настроением остается «состояние кризиса»... Неoliberalизм, похоже, до сих пор был дискредитирован, и никакая четкая альтернативная парадигма не взяла верх» [Bullon-Cassis, 2010: 37].

В Российском политическом и научном дискурсе в период после финансового кризиса 2008 года использование постглобалистской концепции во многом было связано с попыткой извлечь выгоду из провала проекта нового американского века и нелиберального глобального американского лидерства, противостоя ему идеологически через продвижение идеи многополярности. Так, в 2013 году в Московском государственном университете состоялась конференция «Постглобализация: конец нелиберализма и возрождение социального государства» с участием Транснационального Института (Амстердам), Института глобализационных исследований и социальных движений (Москва) и других институтов, приверженных социальным изменениям. Конференция учредила «Инициативу постглобализации» как «новую политическую международную экспертную сеть». Представляя новый идеал многополярности, манифест новой инициативы заявляет: «Мы называем этот совместный проект «Постглобалистской инициативой», организуя наши усилия на международном уровне, не забывая при этом о всевозможных специфических различиях, которые делают наш поиск жизнеспособной альтернативы таким сложным, но и таким захватывающим. Результатом наших международных дискуссий станет не только организация различных встреч, дискуссий, общественных мероприятий, в том числе встречного саммита, издание книг и статей на разных языках, но и развитие долгосрочного сотрудничества, направленного на изменение международного общественного мнения и доминирующих тенденций в экспертном сообществе, открытие стратегической перспективы для более демократического, эгалитарного и ориентированного на человека развития в многополярном мире» [Post-Globalization Initiative, 2013].

Понятие постглобализация разграничивает глобализацию во времени и пространстве делая более видимой «линию разлома» нелиберальной модели. Следующий шаг в логике «пост-» заключается в признании недействительными характеристик предыдущего этапа — однополярности, рыночного фундаментализма и др. На данном этапе новый постглобалистский подход создает возможности для усилий по моделирова-

нию будущего глобального развития, к поиску новой модели / дизайна глобального будущего.

Концепция постглобализации расплывчато применима к периоду, когда структуры и процессы, обусловленные глобализацией, в какой-то степени и в какой-то мере сформировались и, таким образом, наблюдаемы. Как выше показано, само появление этой концепции было связано с необходимостью осмысления и оценки (критики) не только практик, но и результатов и последствий глобализации в ее нелиберальной форме. Иными словами, постглобалистская концепция появилась тогда, когда глобализация созрела и начала приносить свои плоды, или, используя слова Гегеля, характеризующие содержание, готовое к диалектическому анализу, «органично развернула свои ветви и плоды».

Концепция постглобализации перемещает глобализацию из сферы проектов и идеологий в сферу фактуальности: «глобализация произошла, теперь мы с ней справляемся». Становится возможным не предугадывать, а однозначно фиксировать направленность процессов глобализации, описывать и оценивать их последствия.

Два последних соображения позволяют заключить, что постглобализация как концепция смены содержания глобализации и превращения ее в категорию объектов, отвечающих требованиям «зрелости реальности», может быть рассмотрена в терминах диалектического метода и исследована научно, то есть на основе наблюдений и анализа. Это открывает перспективы для объективного изучения глобализации и создания в результате теории глобализации, которая не будет, в отличие от «проекта тысячелетия» или идеологического прогноза эмансипации, нарративом о «конце истории», желательном продвижении либеральной демократии, глобальном развитии как «лечении болезни» пока еще «непросвещенных» частей мира.

Как и большинство других концепций «пост-», построенных как дизъюнкция, отделение от существующего содержания для целей указания точек разрыва, «постглобализация» не имеет большого собственного содержания. Эвристический смысл и сила понятия «постглобализация» заключаются в отрицательной и разрушительной силе, которая, будучи направленной внутрь, производит также свое собственное содержание, но ограниченное отрицанием, симметричное отрицаемому. В силу этого концепция постглобализации может служить лишь отправной точкой для анализа процесса глобализации и определения возможных перспектив развития в будущем. Эта критика постглобалистской концепции оставляет в стороне факт ее очевидной терминологической неточности, заключающийся в том, что она является морфологическим обозначением идеи преодоления всей глобализации в целом в то время, когда на самом деле она относится только к одной конкретной форме (нелиберальной) и стадии (конца прошлого века) последней. Двигаясь вперед, и общественно-историческая практика, и научное знание должны строиться на извлечении позитивного содержания из противоречий форм старой жизни, должны использовать эти противоречия как новый материал для того, чтобы сделать еще один шаг, как в созидании, так и в познании того, что сейчас остается для нас будущим.

Список литературы

- Иванов Д. В., Асочаков Ю. В. Будущее как предмет социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 3. С. 15-21.
- Baudrillard J. The Spirit of Terrorism and Requiem for the Twin Towers. London: Verso, 2002.
- Bullon-Cassis L. Towards 'Post-Globalization'? Neoliberalism and Global Governance after the Global Financial Crisis, UNU — ICRIS Working Papers, W-20011/1, Brugge: UNU — ICRIS, 2010.
- Chomsky N. 9-11, New York: Seven Stories Press, 2001.
- Fabbrini S. After Globalization: Western Power in a Post-Western World,

Global Policy, 2018. Доступно в интернете по адресу: <https://www.globalpolicyjournal.com/articles/global-governance/after-globalization-western-power-post-western-world>

Gray J. The Era of Globalization Is Over, *New Statesman*, September 24, 2001, pp. 25-27.

Hale D. Brave New Economy, *The Wall Street Journal*, February 22, 2008. Доступно в интернете по адресу: <https://www.davidhaleweb.com/articles/wsj-brave-new-economy-02-22-08-2>

Hardt M. and Negri A. *Empire*. London: Harvard University Press, 2000.

Harman C. *Zombie Capitalism: Global Crisis and the Relevance of Marx*, London, 2009.

Harvey D. *The New Imperialism*, Oxford University Press, 2003.

Kagan R. The End of the End of History, *The New Republic*, April 23, 2008. Доступно в интернете по адресу: <https://newrepublic.com/article/60801/the-end-the-end-history>

Klein N. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. London: Penguin Books, 2007.

Krugman P., *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*, New York — London: W. W. Norton & Company, 2008.

Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Manchester, 1984.

Marcuse H. *Philosophy and Critical Theory // Critical Theory and Society*. N.Y.: Routledge, 1989.

McGrew A., Held D. *Globalization Theory: Approaches and Controversies*. Cambridge: Polity, 2007.

News from Post-Globalization Initiative, PR Newswire, May 13, 2013. Доступно в интернете по адресу: <https://www.prnewswire.com/news/post-globalization-initiative>

Robinson W. I. *A Theory of Global Capitalism: Production, Class, and State in a Transnational World*, The John Hopkins University Press, 2004.

Stiglitz J. E. *Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump*, N.Y.: W.W. Norton & Company, 2017.

Virilio P. *Ground Zero*, London: Verso, 2002.

Zizek S. *Welcome to the Desert of the Real*, London and New York: Verso, 2002.

Zizek S. *First as Tragedy, Then as Farce*, London: Verso, 2009.

Post-globalization and new contours of the future Modernity

Yury Asochakov

Candidate of Philosophy,

Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University

Abstract: This article is intended to discuss the prospects and the ways of constructing a new model of global development in a situation of factual and theoretical uncertainty indicated in social and political science by the concept of post-globalization. It aims at analyzing the critical and theoretical potential of the concept of post-globalization for understanding the direction of shifting the paradigms of conceptualization of the social future.

During the last two decades, the discourse of post-globalization exists as an alternative to the triumphant promotion of globalization as a neoliberal / neoconservative ideal for the world's future in the context of the «end of history». The post-globalization concept highlighting the limits of the globalization project serves as a possible heuristic tool for transcending its boundaries. But constructing the positive model of the social future requires a new set of concepts — new language — rooted in the driving forces of now-happening historical reality. This research helps to specify the direction of the further inquiry.

Keywords: post-globalization, neoliberal model, the future, paradigm.

doi:10.33491/telescope2019.103

References

Asochakov Y.V., Ivanov, D. V., *The Future as a subject of sociology // Telescope: journal of sociological and marketing research* 2016. No. 3. P. 15-21.

Baudrillard J. *The Spirit of Terrorism and Requiem for the Twin Towers*. London: Verso, 2002.

Bullon-Cassis L. *Towards 'Post-Globalization'? Neoliberalism and Global*

Governance after the Global Financial Crisis, UNU — ICRIS Working Papers, W-20011/1, Brugge: UNU — ICRIS, 2010.

Chomsky N. 9-11, New York: Seven Stories Press, 2001.

Fabbrini S. *After Globalization: Western Power in a Post-Western World*, Global Policy, 2018. Доступно в интернете по адресу: <https://www.globalpolicyjournal.com/articles/global-governance/after-globalization-western-power-post-western-world>

Gray J. The Era of Globalization Is Over, *New Statesman*, September 24, 2001, pp. 25-27.

Hale D. Brave New Economy, *The Wall Street Journal*, February 22, 2008. Доступно в интернете по адресу: <https://www.davidhaleweb.com/articles/wsj-brave-new-economy-02-22-08-2>

Hardt M. and Negri A. *Empire*. London: Harvard University Press, 2000.

Harman C. *Zombie Capitalism: Global Crisis and the Relevance of Marx*, London, 2009.

Harvey D. *The New Imperialism*, Oxford University Press, 2003.

Kagan R. The End of the End of History, *The New Republic*, April 23, 2008. Доступно в интернете по адресу: <https://newrepublic.com/article/60801/the-end-the-end-history>

Klein N. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. London: Penguin Books, 2007.

Krugman P., *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*, New York — London: W. W. Norton & Company, 2008.

Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Manchester, 1984.

Marcuse H. *Philosophy and Critical Theory // Critical Theory and Society*. N.Y.: Routledge, 1989.

McGrew A., Held D. *Globalization Theory: Approaches and Controversies*. Cambridge: Polity, 2007.

News from Post-Globalization Initiative, PR Newswire, May 13, 2013. Доступно в интернете по адресу: <https://www.prnewswire.com/news/post-globalization-initiative>

Robinson W. I. *A Theory of Global Capitalism: Production, Class, and State in a Transnational World*, The John Hopkins University Press, 2004.

Stiglitz J. E. *Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump*, N.Y.: W.W. Norton & Company, 2017.

Virilio P. *Ground Zero*, London: Verso, 2002.

Zizek S. *Welcome to the Desert of the Real*, London and New York: Verso, 2002.

Zizek S. *First as Tragedy, Then as Farce*, London: Verso, 2009.